

© 1998 г., ЭО, № 2

З.А. Кожев

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДЫ (XVIII–ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX в.)

Изучение демографии населения Кабарды на протяжении XVIII–первой четверти XIX в. представляется достаточно значимым для разрешения некоторых проблем этнической, социальной и политической истории не только кабардинцев, но и многих других народов Центрального Кавказа. Однако значительный круг вопросов, связанных с данной темой, до сих пор остается мало изученным. Кроме известной монографии Н.Г. Волковой¹, в отечественной историографии практически не существует работ, посвященных изучению этой стороны этнической истории кабардинцев на протяжении сколько-нибудь продолжительного периода. В работе Н.Г. Волковой основным предметом исследования была этническая территория кабардинцев. Нас же в первую очередь интересует динамика численности населения Кабарды в абсолютных цифрах. В.К. Гарданов и Т.Х.Кумыков в своих работах касались этого вопроса, но, как правило, ограничивались определением численности населения Кабарды в тот или иной период ее истории, не вникая в детали демографических процессов, происходивших в Кабарде². Этот аспект этнической истории кабардинцев остается наименее изученным. Между тем в XVIII–первой четверти XIX в. на Северном Кавказе произошли значительные демографические сдвиги, затронувшие в первую очередь Кабарду.

Рассмотрение указанного круга вопросов наталкивается на ряд трудностей, в числе которых и скудность информации по отдельным хронологическим периодам, и разноречивость данных письменных источников, а главным образом – отсутствие достоверных статистических данных.

Тот факт, что Кабарда по крайней мере в XVI–XVIII вв. представляла государственно-политическое образование, в отечественной историографии является общепризнанным. Страна распадалась на несколько самостоятельных удельных княжеств. Течение рек Лескен и Терек делило ее на две неравные части. Район Пятигорья и земли по левым притокам Терека – Малке, Баксану, Чегему и Черему – составляли владения Большой Кабарды, объединенной властью пожизненно избираемого старшего князя и состоявшей из трех фамильных уделов – Атажукиных, Мисостовых и Джамбулатовых³. Удельные княжества Талостановых и Гиляхстановых, известные по русским источникам как Малая Кабарда, занимали земли от правого берега Терека на юг вплоть до склонов Черных гор⁴. На востоке кабардинцы в начале XVIII в. граничили с вайнахскими народами по р. Сунже и ее притокам Назрани и Эндериусу⁵.

Кабардинские удельные княжества были тесно связаны в политическом, экономическом и социальном отношении с соседними народами Центрального Кавказа. Кабарда XVIII в., занимая и контролируя обширные территории бассейнов Кумы, Терека и Сунжи, держала в политической и экономической зависимости многочисленные горные общества Карачая, Балкарии, Осетии и Ингушетии⁶. Степень этой зависимости, на наш взгляд, не дает оснований для включения вышеназванных горных обществ в собственно Кабарду. Но характер взаимоотношений между кабардинскими удельными княжествами и населением высокогорной зоны Центрального Кавказа свидетельствует о тесной связи этнической истории кабардинцев, абазин, карачаево-

балкарцев, осетин и вайнахских народов. Помимо характерных для Северного Кавказа миграций горцев на равнинные земли перипетии политической истории народов региона на протяжении исследуемого периода зачастую приводили к полиэтничности населения Кабарды и кабардинских селений⁷. Поэтому к изучению динамики численности населения Кабарды необходимо привлечь данные по этнической истории соседних с кабардинцами народов, проследить процесс сокращения территории проживания кабардинцев, их переселения в другие районы Черкесии.

При определении территории Кабарды на начало XVIII в. мы будем опираться на свидетельство кабардинских владельцев от 1765 г.: «Кабардинские земли простираются с одной стороны до реки Кумы и до развалин старинного города Маджар, на оной реке находящегося, а с другой вниз по течению Терека до урочища Мекеня, лежащего по оной реке Тереку ниже урочища Моздока по крайней мере верст шестьдесят»⁸. По многим причинам социально-экономического и политического характера населенные пункты кабардинцев часто перемещались в границах уже сложившихся удельных княжеств. Кроме того, часть земель, особенно по р. Куме, в междуречье Терека и Сунжи, использовалось кабардинцами лишь под пашни и пастбища, а постоянных поселений там не было. Но это не мешало кабардинским князьям, как это видно из вышеприведенного документа, еще в 1760-х годах считать все эти земли своими.

В источниках XVIII–начала XIX в. имеется немало данных о численности населения Кабарды. Но их размещение в хронологическом порядке весьма неравномерно. Много трудностей возникает при оценке численности населения Кабарды в первой половине XVIII в., и не только в силу скудности источников, но и вследствие их разноречивости: более или менее точные статистические данные отсутствуют, информаторы, на чьи сведения опирались авторы XVIII в., не были достаточно осведомлены. Для того чтобы, не впадая в значительные погрешности, проследить изменения в размещении и численности населения Кабарды, необходимо из суммы информации, накопленной по этому вопросу, извлечь наиболее достоверные данные, используя определенный критерий в их интерпретации.

По описанию Ксаверио Главани (первая четверть XVIII в.) Кабарда – Большая и Малая – имела 3800 жилищ. Кроме этого, автором упоминаются округа «Тазсултан» (Тау-султан), где он насчитал 600 жилищ, и «Гилякстан» (Гилякхан) с 400 жилищами, занимавшие земли у самого подножия гор⁹. Но два последних округа не были отдельными областями – они составляли Малую Кабарду, эта ошибка свидетельствует о недостаточной осведомленности автора. Русские источники, датируемые 1729 г., насчитывали 8500 дворов в Большой Кабарде¹⁰. Если учесть, что в Малой Кабарде число дворов было вдвое меньше, то их общее количество превышало 12 000¹¹. Опираясь на эти цифры и полагая, что кабардинцы в XVIII в. жили большими семьями в 10–12 чел., В.К. Гарданов оценивал численность населения Кабарды в 130–160 тыс. чел.¹² По мнению этого же автора, население Кабарды, непрерывно увеличиваясь, к концу XVIII в. достигло 180–200 тыс. чел.¹³

С.М. Броневский в своих «Новейших географических и исторических известиях о Кавказе» называет примерно то же количество кабардинских дворов – 11,5 тысяч для Большой Кабарды и 2000 для Малой; однако число жителей Малой Кабарды сильно сократилось в результате эпидемий чумы в начале XIX в., поэтому С. Броневский не пытается определить общую численность населения¹⁴. Генрих Клапрот, посетивший Северный Кавказ в 1807 г. и весьма подробно описавший места поселений и число дворов в кабардинском округе Тау-Султан («Талостанова Кабарда»), насчитал 2690 семей (дворов), большую часть которых уничтожила чума, а в Гилякстановой Кабарде – лишь 500 семей, уцелевших от нее¹⁵.

Резко расходятся с вышеприведенными цифрами данные офицера штаба Отдельного Кавказского корпуса И.Ф. Бларамберга. Этот высоко и разносторонне образованный офицер в 1833 г. получил задание составить сводное описание народов Кавказа на основании имеющихся в штабе корпуса сведений и, следовательно, имел

возможность использовать в своей работе широкий круг документов и материалов. Как он пишет, «...по подсчетам, проделанным в 1804 г., в Большой Кабарде проживало 30 000 семей и в Малой Кабарде 15 000 семей»¹⁶. Здесь речь идет не о дворах, а о семьях, но резкое несоответствие в цифрах с уже упоминавшимися источниками вызывает некоторые сомнения.

Источники и первой и второй половины XVIII в. дают нам цифры, несколько отличающиеся от подсчетов В.К. Гарданова¹⁷. Так, в 1747 г. в письме к астраханскому губернатору кабардинский князь Касай Атажукин писал: «...Мисостовой фамилии чагаров ...разделили по себе на каждого женатого владельца по три двора (в которых бывает мужеска и женска полу душ 30–40–50)»¹⁸. В 1784 г. кабардинский князь Федор Ахлов, желая переселить 25 дворов своих подвластных, указывал, что «...считается в каждом дворе мужеска и женска полу душ неравно, а есть в ином сорок, тридцать, двадцать (душ)»¹⁹.

Такое положение было закреплено в норме обычного права. В статье 81 кабардинских адатов говорится: «Если дети княжеские, то женившись, они живут врозь с родителями, а узденские остаются с отцом и матерью»²⁰. По первому пункту 40 статьи «...крестьяне одного семейства, состоявшего из нескольких братьев, живущих вместе, не могут разделиться, не дав по 40 баранов с ягнятами каждый. Кто не имеет баранов, тот делиться не вправе. Это сделано для того, чтобы не расходились врозь, а жили вместе; потому что через раздел они беднеют и уже не в состоянии ни исполнять ни работ, ни уплачивать должного господину»²¹.

Без сомнения, многочисленный состав кабардинского двора XVIII в. указывает, что основной формой семьи у кабардинцев в это время была большая семья. Как мы видим, обычно-правовые нормы кабардинцев, поставленные на службу интересам феодального общества и его привилегированных слоев, в целях поддержания платежеспособности кабардинского тяглого двора консервировали существование в Кабарде XVIII в. большесемейных общин.

В.К. Гарданов, считая возможным для середины XVIII в. определять численный состав кабардинского двора в 10–12 человек, позднее утверждал, что в начале XIX в. это число колебалось в пределах от 5 до 8 человек²². В своих исследованиях В.К. Гарданов опирался в основном на подворные списки покорных горцев ряда «аристократических» адыгских субэтносов, составившиеся в 1840–1850-х годах. Конечно, не следует забывать, что после трагических событий 1804–1811 годов (чумы, карательных экспедиций и др.) демографическая ситуация в Кабарде сильно изменилась. Это даже послужило причиной для внесения ряда поправок в статью обычного права кабардинцев. Значительное уменьшение населения Кабарды, по-видимому, затронуло в первую очередь численный состав кабардинского двора: он очень сильно менялся на протяжении сравнительно коротких периодов времени, в 1780-х годах существовали семейные общины из 20, 30 и даже 50 членов, а по данным переписи 1825 г., на один двор приходилось лишь 5–6 человек²³.

Но если в определении общей численности кабардинцев опираться лишь на вышеприведенные данные, мы рискуем допустить значительные погрешности, тем более, что, несмотря на все попытки, очевидна невозможность сгладить до приемлемой степени их резкие противоречия. Скорректировать наши данные могут помочь свидетельства письменных источников о численности и качественном составе тех воинских контингентов, которые выставляли кабардинцы в XVIII–начале XIX в.

Известно, что «...только по делам 1739 г. Большая Кабарда в состоянии была выставить конного войска в поле до 6000 человек, состоявшего из одних беков и узденей, а Меньшая – до 3000, ибо у них не в обыкновении употреблять своих поданных на войне, естли же когда их и употребляют, то в самой крайности, что бывало весьма редко, да и то токмо в пехотные полки, а не в конные, которые лично они составляли...»²⁴. Сами кабардинцы несколько ранее, во время посольства Магомета Атажукина в Петербург в 1732 г., сообщили, что одна только Большая Кабарда в состоянии выставить 10 тыс. воинов и в их числе – 5-тысячную конницу²⁵. Не имея

причин доверять свидетельству кабардинского посла, обратимся к предыдущему документу. Сразу вызывает сомнение утверждение о том, что у кабардинцев не в обыкновении употреблять своих подданных на войне, а в случае «употребления» из них составляют лишь пехоту. Между тем в кабардинских адатах существует следующая норма: «*Чагары* (1 *уэгу* или *лэхукъуэцауэ* – оброчные крестьяне – З.К.) княжеские должны из каждого дома всякий день являться верхом на собственной лошади и с оружием для услуг и исполнять все приказания его»²⁶.

Кроме того, если общая численность доброконного войска в 6 тыс. для Большой и 3 тыс. для Малой Кабарды подтверждается источниками, как конца XVIII, так и начала XIX в., то качественный его состав предстает в ином виде²⁷. Рапорт бригадира Ивана Большого Горича от 3 января 1788 г. свидетельствует о походе кабардинского войска за Кубань. В нем сообщается: «...выступил я ис Кабарды в поход с войском кабардинским при старшем их владельце и князем Мисостом Атажукиным и прочих 40 князей. При оных конницы самыми справными панцирными 2000-ми и узденями 3000-ми родовыми токовыми»²⁸. «Токовы» же («токошovy», «тукашавы» в русских источниках) – это *лэхукъуэцауэ*, т.е. не дворяне – *уорки*, а именно подданные князей из наименее зависимых сословий²⁹.

В босвых действиях начала XIX в. против русских войск, судя по источникам, шеститысячная панцирная конница тоже не участвовала³⁰. Между тем редкий дворянин в то время не имел кольчуги-панциря, которая к тому же являлась одной из лучших и обязательных частей узденского пожалования (*уэркътын*), получаемого от сюзерена при поступлении к нему на службу³¹. И тем более нельзя вообразить, чтобы в Кабарде оставили две трети дворянского ополчения и при этом отправили в дальний поход простых крестьян.

Общая численность боеспособного мужского населения страны к концу XVIII в. по сравнению с данными Магомета Атажукина заметно возросла и достигла 15 000 чел. для Большой Кабарды³². Это свидетельство астраханского губернатора Петра Кречетникова подтверждается тем фактом, что доля привилегированных сословий Большой Кабарды, выставлявших двухтысячное панцирное ополчение, в общей массе ее населения составляла около 13–15%³³.

Следовательно, принимая во внимание рост численности вооруженных сил Большой Кабарды с 10 до примерно 15 тыс. можно предположить, что ее население за 100 лет возросло в 1,5 раза и достигало к концу XVIII в. 75–90 тыс. чел., а вместе с Малой Кабардой – 110–135 тыс. чел.

Эти цифры максимальные и, на наш взгляд, наиболее близкие к реальным. Они подтверждаются данными К. Главани, П.-С. Палласа, С. Броневского и согласуются с результатами исследований В.К. Гарданова и Х.М. Думанова по численности кабардинцев и количеству кабардинских дворов. Видимо, соотношение между ними менялось. В первой половине XVIII в. 3800 (4000) дворов по К. Главани и господство большесемейных общин, а в начале XIX в. до 16–17 тыс. дворов при численном составе кабардинской семьи в 7–8 человек.

Свидетельства пристава Кабарды Дельпоццо о том, что эпидемия чумы 1804–1811 гг. унесла $\frac{9}{10}$ ее населения³⁴, на которое опираются некоторые исследователи, пытаясь доказать, что численность кабардинцев в начале XIX в. превышала 300 тыс.³⁵, не более чем эмоциональная и весьма субъективная оценка тех опустошений, которые действительно имели место.

Большая численность и высокая плотность населения кабардинских земель в XVIII–начале XIX в. подтверждается источниками: «...Все лежащие около Кабарды спосбные к поселению места... как то и на приложенной при сем карте значит заняты селением Большой и Малой Кабарды народа, почему поселению других народов удобных мест совсем не отыскалось. А ежели между селений кабардинских и еще другому народу места показать, то может быть немалая теснота так, что и скота их прокормить и хлебопашеству земли распространить не можно»³⁶.

Примерно в это же время, в 1880-х годах приблизительная численность чеченцев

(без ауховцев и брагунцев) составляла около 131 тыс.³⁷, а всех абхазо-абазин – чуть более 130 тыс.³⁸.

Многочисленны упоминания современников о могуществе и политическом доминировании кабардинцев на Северном Кавказе. Но это свидетельствует не столько о подавляющем численном, сколько о военном превосходстве над соседями. Фельдмаршал князь В.В. Долгорукий, ходатайствуя о прибавке жалования Э. Черкасскому для пополнения последним своей дружины, так характеризовал ее боевые качества: «Ежели против дагистанцов с нашей стороны выедут узденей 100 человек, то против их не могут стоять ни 300 человек дагистанцов; к тому ж хоша б наших казаков послать 500 человек, а узденей 100, то дагистанцы больше боятца 100 человек узденей, нежели 500 человек казаков»³⁹.

Астраханский губернатор А.П. Волынский в письме Петру I свидетельствовал: «Все такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо где татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот»⁴⁰. Большой знаток Крымского ханства и Черкесии, ученый и дипломат Д.К. Кантемир также сообщает, что «...эти люди (*черкесы*. – З.К.) настолько храбрые, что по утверждению самих татар, насколько 10 крымцев сильнее 15 буджакан, настолько 5 черкесов сильнее 10 крымцев»⁴¹.

Не подавляющее численное превосходство и даже не личная доблесть, а социальная организация кабардинцев, наличие широкого слоя профессиональных конных воинов позволяла им еще в первой половине XVIII в. контролировать обширные земли от верховий Кумы по Малке, Баксану, Черему, Уруху и далее на восток по Тереку и Сунже почти вплоть до их слияния⁴².

Тот факт, что большую часть равнинных земель, пригодных для хозяйственной деятельности на Центральном Кавказе, контролировали кабардинские князья, являлся не только причиной политической и экономической зависимости от Кабарды большинства ее соседей, но и стимулом непрерывных миграций в пределы Кабарды населения страдавших от малоземелья абазинских, карачаево-балкарских, осетинских и частично вайнахских обществ. Миграционные процессы протекали в нескольких формах. Наиболее ранней из них являлось переселение в кабардинские села отдельных представителей соседних народов. Насколько значительны были его масштабы, можно судить по источникам XVIII в. Приведем один обширный документ – рапорт астраханского губернатора И.В. Якоби в Коллегию иностранных дел от 19 декабря 1777 г.: «...А при том за нужно нахожу доложить государственной иностранной коллегии, что хотя по летописцам у кабардинских владельцев подданныя их люди и почитаются крепкими ...напротив того у них разве самая малая часть таковых найдется, а протчих же старшины черного народа объявили мне, что они владельцам подданными почитаются по одной только земле. Происхождение же той черни больше из пришельцев, хотя и те не иначе вошли в жительство своих домов и хозяйство как некоторые за себя и за жен своих отдали выкуп, а другия по обязательству урочныя годы выслуживали... А пока кабардинцы на своих местах жили ...черного народа, как и выше я упомянул, имели они самую малую часть и против нынешняго разве третью долю. Когда же присвоили себе места Кумы, Куры, Тумузлов, Бейвалу, Калаус и Залуку речки, то со всех сторон армяне крымские, жиды и всякий народ начали приходить на оныя и составили многолюдство, чему я сам свидетель, ибо в прошедшую весну более 300 куралаевцов перешли с Кубани, поселились на вершинах Бийвалы, которые также дают по требованиям кабардинских владельцев подать лошадьми и рогатым скотом»⁴³.

Даже если оставить на совести астраханского губернатора и «старшин черного народа» сообщение о том, что кабардинские владельцы раньше «подданных имели самую малую часть и против нынешнего третью долю», значительность упомянутого миграционного процесса не подлежит сомнению. А его продолжительность во времени подтверждается тем, что на протяжении всего периода существования общинного землепользования в Кабарде сохранялся специальный термин (*кьаглуэм и Гыхъэ* –

«доля приходящего»), который обозначал часть общесельского пахотного клина, предназначавшуюся для новых домохозяев, вступающих в общину⁴⁴.

Право распоряжения свободной частью пахотных земель каждого аула до отмены крепостного права принадлежало их владельцам, и предоставление «пришельцу» в пользование земельного участка из этого фонда, налагая на него ряд обязанностей, постепенно превращало его в зависимого крестьянина⁴⁵. Иногда сами владельцы земли, князья-вотчинники приглашали к себе на поселение представителей соседних народов, оговаривая при этом взаимные обязанности⁴⁶.

Высокий социальный статус кабардинских князей, позволявший отстаивать интересы тех, кто прибег к их покровительству, привлекал в Кабарду не только нуждавшихся в земле, но и тех, кто спасался от кровной мести или политического преследования. Так, в первые десятилетия XVIII в. владельцы Кайтукины приняли к себе более 300 дворов бесленеевцев, которые преследовались крымцами за убийство ногайского султана⁴⁷. Такие переселенцы чаще всего быстро ассимилировались кабардинским населением. Видимо, в этом, наряду с высоким естественным приростом, заключается одна из причин роста численности населения Кабарды на протяжении XVIII в., несмотря на весьма неблагоприятную политическую обстановку на Кавказе, частые набеги крымских татар, ногайцев и калмыков. Кроме того, с разрешения кабардинских владельцев на территории Кабарды с начала XVIII в. обосновались целые аулы с осетинским и вайнахским населением. Уже на карты Кабарды 1744 г. в числе ее «населенных мест» упоминается дигорское с. Караджаево⁴⁸.

Особенностью движения осетин на равнину был его "верхушечный" характер, так как со своими крепостными переселялись обычно феодальные владельцы, связанные отношениями вассалитета с кабардинскими князьями⁴⁹. На протяжении второй половины XVIII в. на равнинных землях, примыкавших к Дигорскому ущелью, возник целый ряд поселений осетин-дигорцев. Кроме села Караджаево, Штедер, побывавший в этом районе в начале 1780-х годов, упоминает селения Кубатиево, Фадау, Дур-Дур, Кабаново, Ватшило и Тума, располагавшиеся по рекам Урух, Урсдон, Разбун, Лескен, Дур-Дур, на территории Талостановой Кабарды⁵⁰. В это же время у выходов из ущелий на равнину рек Ардон и Фиагдон алагирские и куртатинские осетины основали пять небольших выселков с населением около 1700 чел. – местечко Картша, селение старшины Татта и др.⁵¹. На плоскости в долине Терека, кроме селений Ларс, Чми, Балташ и Даллаг-кау, заселенных в конце 1720-х годов выходцами из Алагирского ущелья Северной Осетии, не позднее 60-х годов этого века появились новые аулы – с. Заурово со смешанным осетино-ингушским населением и осетинское с. Ирыкау в окрестностях основанной в 1783 г. крепости Владикавказ⁵².

По подсчетам Б.П. Берозова, на Владикавказскую равнину, входившую в состав Малой Кабарды, переселилось из Дигорского общества Северной Осетии 3 тыс. чел. (около 30–40% всех дигорцев), из Алагирского и Куртатинского обществ – 1700 чел. (менее 10% населения, проживавшего в них), из Тагаурского общества на плоскость перешло 215 дворов (около 20% их общего числа)⁵³.

Подобные процессы происходили и на крайнем востоке Кабарды. В междуречье Сунжи и Терека с середины XVIII в. начали селиться чеченцы и ингуши⁵⁴. Частично это было связано с тем, что малокабардинское население из-за неприязненных отношений с горцами передвинулось к западу, ближе к Большой Кабарде и освободило земли по левобережью Сунжи⁵⁵. Переселение вайнахов на плоскость воспринималось вначале владельцами земли – кабардинскими князьями и жителями вновь образованных селений – как принятие ими кабардинского "подданства". Притеречные чеченцы – бильтоевцы еще в XIX в. продолжали называть себя *гебертой* (кабардинцы). И это, вероятно, являлось не только следствием смешанности населения первых чеченских равнинных аулов, но и отражало сохранившуюся в сознании бильтоевцев память об этом былом "подданстве"⁵⁶.

Мигрировавшие компактные группы иноязычного населения не становились органичной частью населения Кабарды. Жители новообразовавшихся поселений старались

сохранить свои связи с населением родных мест. Постепенное упрочение позиций России на Кавказе наряду с обострением к концу XVIII в. кабардино-русских отношений подрывало авторитет кабардинских князей, чья политическая воля была единственной реальной силой, объединявшей все население Кабарды в более или менее единое целое. Отказ от уплаты дани кабардинским владельцам, как непризнание их прав собственности на плоскостные земли, отведенные новопоселенцам, означал на практике, если говорить современным языком, "выход из состава Кабарды". Возможностей же для этого, со ссылкой на авторитет русской власти, в конце XVIII – начале XIX в. было достаточно.

Пытаясь решить проблему малоземелья, многие осетинские и вайнахские общества присягали на верность России, а одним из основных условий принятия российского подданства выдвигали разрешение переселиться на плоскость и защиту их от притязаний кабардинских владельцев⁵⁷. Стремясь ослабить Кабарду и ограничить влияние ее феодальной верхушки в регионе, русское правительство зачастую шло навстречу этим пожеланиям.

Если миграции инонационального населения в пределы Кабарды сохраняли устойчивый характер на протяжении всего изучаемого периода, то второй мощный миграционный процесс – отлив значительной части населения за пределы страны – претерпел за это же время значительные изменения.

Начало ему положили переселения абазин-тапанта, часть которых в начале XVIII в. жила на территории Кабарды. Магомет Атажукин, кабардинский посол в Петербурге, в 1732 г. утверждал, что "...абазинский народ из древних лет еще у предков их, кабардинцев, во владении были"⁵⁸. В качестве давнего местожительства абазин им была названа луговая сторона р. Баксан, где находилось 800 дворов этого народа. "...А в тех дворах военных людей конных и пехотных с 2 тысячи человек"⁵⁹.

На протяжении первой половины XVIII в. абазины являлись предметом соперничества между Кабардой и Крымом и несколько раз меняли места своего жительства⁶⁰. Крымские ханы стремились перевести абазинские селения на Кубань, а кабардинские князья старались не допустить этого и, используя военную помощь русских и калмыков, каждый раз, когда им это удавалось, возвращали своих подданных и поселяли их в верховьях Кумы⁶¹.

Магомет Атажукин указал, что «...тому лет за 9 (в 1723 г. – З.К.) как Дели-Салтан с Саадет-Гирей султаном с крымским и кубанским войском приходили... и вышеописанной абазинский народ от них, кабардинцев, силою взяли и перевезли за реку Кубань, и тамо... поселили... И ныне живут оные под владением крымского хана»⁶². Но уже в 1738 г. кабардинцы, воспользовавшись русско-турецкой войной, с калмыцким ханом «...Дундук-Омбою купно следовали на Кубань... и абазинских черкес завоевали и перевели к себе в Кабарду»⁶³. В описании населенных мест Большой и Малой Кабарды, составленном в 1744 г. Степаном Чичаговым, упоминаются Нижние, Средние, Экепчацкие, Верхние Абазы и абазинский аул владельца Вабукова⁶⁴.

Но уже в 1753 г. сами кабардинские владельцы перевели абазин-тапанта, за исключением ула Бабукова, за Кубань⁶⁵, хотя и не отказались от своих созеренных прав и «...надлежащую с них подать сбирали»⁶⁶. Опираясь на вышеприведенные данные Магомета Атажукина, можно предположить, что Кабарда, таким образом, потеряла 10–12 тыс. своего населения. Часть абазин к концу XVIII в. вернулась в места своего прежнего проживания, но район Пятигорья к этому времени уже был включен в состав созданной в 1785 г. Кавказской губернии⁶⁷.

В XVIII в. с упрочением в крае русской власти участились побегии кабардинских крепостных крестьян в пределы России. Особенно массовый характер они приобрели с основанием в 1763 г. Моздока и с началом сооружения в 1777 г. сплошной кордонной линии от Моздока до Азова.

Предоставлением переселенцам различных льгот и невыдачей их бывшим владельцам в случае принятия ими христианства русское правительство поощряло новые побегии зависимых крестьян⁶⁸. В 1764 г. среди населения Моздока насчитывалось

200 душ крещенных кабардинцев. К концу 1780-х годов число крепостных, ушедших от своих помещиков за кордонную линию, достигло больших размеров и составляло не менее 17 тыс. чел.⁶⁹ Только благодаря большим усилиям, предпринятым кабардинскими владельцами, удалось приостановить утечку населения и уговорить большинство беглецов в 1787 г. вернуться в Кабарду⁷⁰. Усиление противоречий между местной российской администрацией и представителями феодальных верхов Кабарды создало в конце 1770-х годов острую ситуацию: часть кабардинской знати, стремясь сохранить свою самостоятельность и не надеясь на успех вооруженного сопротивления, предприняла попытки удалиться со своими подвластными из страны. В 1778 г. в Малую Кабарду прибыли посланцы грузинского царя Ираклия с призывом переселиться в Грузию и обещанием в случае согласия вознаградить кабардинцев за все материальные издержки⁷¹. Грузинская монархия рассчитывала найти в кабардинцах надежную опору в борьбе со своими внешними и внутренними врагами. Активное противодействие этим планам со стороны русского правительства предотвратило выселение из страны восьми знатных узденей Малой Кабарды, которые намеревались вовлечь в это движение всех своих крестьян⁷². В этом случае российское правительство опиралось на недовольство и пассивное сопротивление со стороны зависимых слоев планам насильственной эмиграции⁷³.

Возможно, к началу XIX в. население Кабарды несколько превышало 110–135 тыс. чел., но «...в начале XIX в. появилась чума и, свирепствуя 14 лет кряду, истребила более пяти шестых онаго»⁷⁴. Действительно, частые военные погромы, сожжения жилищ и потери значительной части имущества способствовали тому, что «моровая язва» имела, по словам старшего князя Кабарды Кучука Джанхотова, губительные последствия и уже к 1807 г. «истребила почти половину народа»⁷⁵. Непрерывная партизанская война, карательные экспедиции российских войск усугубляли ее последствия и вместе с прямыми военными потерями неуклонно сокращали численность кабардинцев.

А.П. Ермолов в своих воспоминаниях так высказался о Кабарде этого периода: «...Кабарда, некогда многолюдная, коей жители, почитаемые храбрейшими между горцами, нередко по многолюдству своему отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях... Моровая язва была союзницей против кабардинцев; ибо, уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и производя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже как прежде собираться в больших силах...»⁷⁶.

Уже в 1810 г. кабардинцы отказались выполнить требования местной русской администрации, которая обязывала удерживать чеченцев от набегов и доставлять от них беглецов и пленных. Отказ основывался на том, что «...чеченский народ после изнурения нашего есть гораздо нас сильнееший... а потому мы принудить их... безильны»⁷⁷.

Чувствуя, что попытки военным путем отстоять политическую самостоятельность Кабарды обречены, часть кабардинцев начала отчаиваться. По сведениям В.Н. Кудашева, в 1808 г. в Кабарду был прислан фирман турецкого султана, приглашавший кабардинцев к переселению в Турцию (территория Закубанской Черкесии до 1829 г. формально считалась турецкой провинцией. – З.К.)⁷⁸. Призывы не имели успеха: «...Часть кабардинцев вздумала было переселиться, но их удержали другие...»⁷⁹.

Крутые, решительные меры нового главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А.П. Ермолова по усмирению кабардинцев и реальному подчинению их местной администрации вызвали в 1821–1822 гг. среди них широкое переселенческое движение. «...Мятежники старались препятствовать, но... главнейшие изгнаны в отдаленные горы за пределы земли кабардинской, некоторые бежали за Кубань, – и подданные Порты, слабо ею управляемые народы приняли к себе подобных им разбойников»⁸⁰.

Малая Кабарда не была вовлечена в это переселение, но часть «мятежников» из числа ее жителей ушла в Чечню⁸¹.

Хан-Гирей в своей таблице населения Черкесии, составленной в середине 1830-х годов, приводит перечень названий 62 аулов закубанских – «беглых» кабардинцев⁸². По его подсчетам, их общая численность превышала 12 тыс. чел.⁸³ И.Ф. Бларамберг и К. Кох в это же время оценивали их число примерно в 15 тыс. чел.⁸⁴ Если учесть, что по переписи 1825 г. население Большой и Малой Кабарды не превышало соответственно 20–21 тыс. и 6–7 тыс. чел., легко представить масштабы переселенческого движения⁸⁵. Большую Кабарду за несколько лет покинуло около 40% населения.

Наряду с общим значительным сокращением численности населения Большой и Малой Кабарды резко изменилось и соотношение между ними. Если в 1744 г. в Большой Кабарде насчитывалось 83 населенных пункта, а в Малой – 49⁸⁶, то к концу описываемого периода даже после выселения за Кубань 40% населения Большой Кабарды из 105 кабардинских аулов лишь 21 приходился на долю Малой Кабарды⁸⁷.

Итак, на протяжении XVIII в. численность населения Кабарды неуклонно увеличивалась за счет высокого естественного прироста и притока в страну страдавших от малоземелья горцев соседних районов Центрального Кавказа; она возросла примерно в 1,5 раза, и, несмотря на выселение из страны значительной части проживавших на ее территории абазин, достигла 110–135 тыс. чел.

Начиная со второй половины XVIII в. миграции горцев в пределы Кабарды приобрели более массовый характер и приняли форму колонизационного движения. Компактные группы осетинского и вайнахского населения, не вливаясь в общую массу населения Кабарды, оседали в зонах традиционных пограничных этнических контактов с кабардинцами.

В первой четверти XIX в. в результате эпидемии чумы, карательных экспедиций царских войск и выселения в Закубанскую Черкесию не покорившейся части кабардинцев численность населения Большой и Малой Кабарды сократилась более чем в 4 раза. К концу первой четверти XIX в. она составляла соответственно около 20–21 тыс. чел. в Большой и 6–7 тыс. чел. в Малой Кабарде.

Примечания

¹ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 44–64.

² В.К. Гарданов предположил рост численности кабардинцев на протяжении XVIII в. со 130–160 тыс. до 160–200 тыс. чел., опираясь лишь на оценку общего числа дворов в Большой и Малой Кабарде. См.: История Кабардино-Балкарской АССР (далее – история КБАССР). Т. I. М., 1967. С. 133. Т.Х. Кумыков, опираясь на свидетельства российской администрации на Северном Кавказе, считал, что в результате эпидемии чумы и карательных экспедиций царских войск численность кабардинцев в первой четверти XIX в. сократилась в 10 раз (Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 57).

³ Кабардино-русские отношения. Т. 2. М., 1967. С. 114–115.

⁴ Налоева Е.Д. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980. С. 19.

⁵ Кабардино-русские отношения. Т. 2. М. С. 114–115.

⁶ История КБАССР. Т. I. С. 177, 178, 181, 182.

⁷ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 114; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 91; Волкова Н.Г. Указ. раб. С. 63, 225–228.

⁸ Волкова Н.Г. Указ. раб. С. 45.

⁹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (далее – Адыги, балкарцы и карачаевцы). Нальчик, 1974. С. 158.

¹⁰ Кумыков Т.Х. Указ. раб. С. 56. История КБАССР. Т. I. С. 133.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 89, 92.

¹⁵ Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 274–277.

¹⁶ Там же. С. 417.

¹⁷ История КБАССР. Т. I. С. 133.

- ¹⁸ *Налоева Е.Д.* К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // Вестн. Кабардино-балкарского научно-исследовательского института (далее – КБНИИ). Вып. 1. Нальчик, 1968. С. 72.
- ¹⁹ Цит. по: *Асанов Ю.Н.* Родственные объединения адыгов, балкарцев, карачаевцев и осетин в прошлом. Нальчик, 1990. С. 17.
- ²⁰ *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев. Вып. 1. Одесса, 1882. С. 234–235.
- ²¹ Там же.
- ²² *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 41.
- ²³ *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 26.
- ²⁴ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 818.
- ²⁵ Архив КБНИИ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 447.
- ²⁶ *Леонтович Ф.И.* Указ. раб. Вып. 2. С. 251.
- ²⁷ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 369; *Броневский С.М.* Указ. раб. С. 89.
- ²⁸ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 369.
- ²⁹ *Думанов Х.М.* Указ. раб. С. 152–164.
- ³⁰ *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 591–601.
- ³¹ *Думанов Х.М.* Указ. раб. С. 139–145.
- ³² Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 316.
- ³³ *Паллас П.-С.* Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793 и 1794 гг. Т. I; *Аталиков В.М.* Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 180; *Броневский С.М.* Указ. раб. С. 89; История КБАССР. Т. I. С. 204–206.
- ³⁴ *Кумыков Т.Х.* Указ. раб., С. 58.
- ³⁵ По источникам 1830-х годов численность кабардинцев составляла не более 30 тыс. человек. См.: *Гарданов В.К.* Указ. раб., С. 42.
- ³⁶ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 293–294.
- ³⁷ *Волкова Н.Г.* Динамика численности вайнахских народов до XX в. // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 126.
- ³⁸ *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера // Русский Вестник. Т. 53. № 10. 1864. С. 5–6.
- ³⁹ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 43.
- ⁴⁰ *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993. С. 62.
- ⁴¹ *Кантемир Д.К.* История роста и упадка Оттоманской империи // *Аталиков В.М.* Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 140.
- ⁴² Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 114–115.
- ⁴³ Там же. С. 325–326.
- ⁴⁴ *Думанов Х.М.* Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). Нальчик, 1978. С. 29.
- ⁴⁵ *Кажаров В.Х.* Адыгская вотчина. Нальчик, 1992. С. 49.
- ⁴⁶ Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 24.
- ⁴⁷ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 184.
- ⁴⁸ Там же. С. 114–115.
- ⁴⁹ *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 136–137.
- ⁵⁰ Российский Государственный архив древних актов. Ф. Госархив. Разряд 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 244.
- ⁵¹ *Рклицкий М.В.* Главнейшие моменты в истории хозяйственного быта Северной Осетии и современная экономика области // Изв. Североосетинского научно-исследовательского института. Т. 2. Орджоникидзе, 1926. С. 176; Осетины глазами русских путешественников (XIII–XIX в.). Орджоникидзе, 1967. С. 44–45.
- ⁵² *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 161; *Берозов Б.П.* Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 43.
- ⁵³ Там же. С. 43.
- ⁵⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 371–372.
- ⁵⁵ *Волкова Н.Г.* Этнический состав... С. 54.
- ⁵⁶ История КБАССР. Т. I. С. 179.
- ⁵⁷ История народов Северного Кавказа... С. 442–445.
- ⁵⁸ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 99.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 59, 97, 141, 156, 194.
- ⁶¹ Там же. С. 97.
- ⁶² Там же. С. 59.
- ⁶³ Там же. С. 97.
- ⁶⁴ Там же. С. 114.

- ⁶⁵ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 68.
⁶⁶ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 188.
⁶⁷ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 68.
⁶⁸ История КБАССР. Т. 1. С. 169.
⁶⁹ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 57.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 334, 341, 343.
⁷² Там же. С. 343.
⁷³ Там же. С. 344.
⁷⁴ Акты Кавказской Археографической комиссии (далее – АКАК). 1868. Т. 4. С. 879.
⁷⁵ АКАК. Т. 3. С. 649; Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 277.
⁷⁶ Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. М., 1991. С. 263.
⁷⁷ АКАК. Т. 4. С. 882.
⁷⁸ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 78.
⁷⁹ Там же.
⁸⁰ АКАК. Т. 4. С. 509.
⁸¹ Волкова Н.Г. Этнический состав... С. 57.
⁸² Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 162–163.
⁸³ Там же.
⁸⁴ Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 401; Гарданов В.К. Общественный строй... С. 42.
⁸⁵ Думанов Х.М. Указ. раб. С. 31–35.
⁸⁶ Кабардино-русские отношения. Т. 2. С. 114, 115.
⁸⁷ Думанов Х.М. Указ. раб. С. 31–35.

Z.A. K o z h e v. The Dynamics of Kabarda Population Number (18th – a quarter of 19th cc.)

For the first time in Caucasus studying literature it makes an attempt to determine the dynamic of Kabarda population number in absolute figures. By the end of the first quarter of 19th century the Great Kabarda population number was about 20–21 thousand people and in Kabarda Minor it was 6–7 thousand.

© 1998 г., ЭО, № 2

И.Э. Е л а е в а

БУРЯТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ДОМИНАНТЫ ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В последние годы этническая проблематика привлекает внимание как ученых, так и представителей художественно-творческой интеллигенции, религиозных и общественных деятелей. Популярными темами дискуссий являются сюжеты, связанные с генезисом, структурой, функционированием и особенностями этнической идентичности на материале разных этнических общностей, социальных групп. Рассмотрение этих и многих других граней проблемы этнической идентичности происходит и в плоскости методологического осмысления, и на уровне эмпирических исследований. При этом следует учитывать, что манифестные формы этничности в ряде случаев оказываются проявлением иного, не этнического, статуса личности. Представляют интерес предпринимавшиеся попытки вскрыть природу и характер этнической идентичности с помощью научных средств¹.